

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ МИРА И РОССИИ:

задачи управления модернизацией

В статье поставлена задача определения основных проблем развития мировой системы и российской экономики, показана взаимообусловленность задач управления модернизацией, неоднозначность и трудность модернизации российской экономики. Автор считает, что генератором кризисов являются базисные институты современного капитализма, условия его современной организации. Поэтому закономерным исходом является институциональная коррекция этих социальных правил. Экономическая наука, при этом, должна обратиться к фундаментальным проблемам экономики и эффективности используемых факторов производства: капитала, труда, знаний, информации.

В начале 2011 г. на форуме «Россия и мир: в поисках инновационной стратегии» прозвучал тезис: «Индустриальная эпоха закончилась. Мир и вместе с ним Россия вступает в стадию новых технологических драйверов роста». Кроме того, были поставлены на обсуждение следующие вопросы: «что для экономики полезнее — низкий рубль или низкая инфляция? Бюджетный дефицит или бюджетные деньги для инновационного роста? Как увеличить денежное предложение, но без роста инфляции? Надо ли поддерживать укрепление рубля или отказаться от сдерживания плавающего курса рубля?» [1]. Обсуждалась модель социального поведения в постиндустриальном обществе¹, где все больше людей, как утверждалось, будет надеяться только на себя, будет преобладать число самозанятых граждан, а частные деньги будут важнее денег государства.

Однако реалии сегодняшнего дня таковы, что Россия не вступает в эру новых «драйверов» экономического роста, поскольку для нее индустриальная эпоха если и закончилась, то не по причине перехода в иную (следующую по развитости производительных сил) эпоху, а по причине абсолютной утраты индустриальной мощи, примитивизации производств. Причем этот процесс не прекращался и в период экономического роста. Постановка многих обозначенных выше вопросов в поверхностно-инструментальном ключе камуфлирует главные проблемы экономического развития. Является продолжением применения неолиберальной логики управления национальным хозяйством, которая абсолютно не видит проблем и задач управления. Более того, эта логика опирается на новый интеллектуальный фетиш, так называемое постиндустриальное общество, которое является иллюзией, придумкой некоторых экономистов и не отражает те реалии происходящего, которые обеспечивают жизнь. А эти реалии таковы, что современный

мир не может обходиться без высоко развитой производительной индустрии, опирающейся на НИОКР, и широкое внедрение новых достижений науки, будь то промышленность или сельское хозяйство.

Кроме того, современный высокоразвитый индустриализм опирается на умение и высокую скорость сбора и обработки информации, не имеет проблем с тиражированием готовых изделий, но резко ограничен в плане новых идей, кардинальных инноваций, базируется на тех энергоносителях, которые открыты и воспроизведены в XIX и XX веках. Интересно отметить, что после аварии на атомной станции Фукусима вследствие климатического бедствия — цунами, некоторые европейские страны, в частности, Германия, принимают правительственные и законодательные решения на ограничение, либо полный отказ от использования атомной энергетики. Как бы не относиться к таким решениям, как противоречащим логике научно-технического прогресса, тем не менее, этот факт исключить нельзя. И он сильно влияет на эффективность применяемой классификации этапов технологического развития, в частности, периодизацию этого развития, принимающую вид смены технико-экономических парадигм. Поскольку линейная логика подобной классификации не предполагает «обратные решения», то есть абсолютно не видит фактора «управление». Если уж и заниматься выстраиванием подобных классификаций, придавая им объективный характер, то нужно говорить о том, что человеческое общество проходит доэнергетическую фазу, энергетическую, которая наблюдается сейчас, и возможно, если научно-технический прогресс обеспечит такие решения, подойдет к постэнергетической стадии, но никак не к постиндустриальной.

Информация и знание были ценны и нужны как при сельскохозяйственной экономике (традиционной), так и индустриальной, без агрономических знаний нельзя эффективно возделывать землю и решать

¹ Автор считает, что такого общества быть не может ни на практике, ни в теории.

продовольственную проблему. Один аспект отличает традиционное общество от современного — информация и знания становятся самостоятельным товаром, объектом купли-продажи, имеющим и рыночную ценность, причем в массовом значении, так как в прошлые времена так же ценились «ученые» люди. Владельцы факторов производства «покупали» инженеров, агрономов, учителей, приглашали ученых, для развития наук в данной стране. Изменился лишь формат и масштаб этих процессов, но значение индустрии никак не снизилось, хотя структурное соотношение между занятостью в производстве и сфере услуг, финансовом секторе — существенно изменилось в пользу последних секторов. Причина в автоматизации и повышении производительности современных производств, а не в том, что некие парадигмы что-то друг у друга заимствуют. Кстати, если исследовать проблему заимствования, то необходимо учитывать и повышение эффективности, эффекты экономики классических производств.

Среди экономистов существует мнение — дефолт 1998 г. связан с издержками реформаторского этапа, а финансово-экономический кризис 2008—2009 гг. вызван внешними обстоятельствами, прервавшими успешное развитие России с 2000 г. Причем 2010 г. назывался годом выхода из кризиса. Однако экономика России находится в кризисе системы, включая управление на различных уровнях и звеньях, в кризисе структуры, которая не адекватна провозглашаемым задачам и препятствует их решению по природе вещей².

Более того, обсуждаемые вопросы, указанные выше, имеющие чисто инструментальное значение, расходятся с ориентирами социально-экономического развития России, обозначенными установками высшего руководства страны, озвученными на заседании Государственном совете: возвращение России в число мировых технологических лидеров, четырехкратное повышение производительности труда в основных секторах российской экономики, увеличение доли среднего класса до 60—70% населения, сокращение смертности в 1,5 раза и увеличение средней продолжительности жизни до 75 лет. Причем эти ориентиры касались развития до 2020 г. Видимо, с учетом кризиса 2008—2010 гг. данные параметры смогут быть отнесены к 2030 г. Правительство России считает стратегической задачей создание равных возможностей для людей, формирование мотивации к инновационному поведению и радикальное повышение эффективности экономики, прежде всего на основе роста производительности труда. Вместе с тем, согласно имеющимся прогнозам, фигурирующим в правительственных документах, цена на газ должна будет повыситься к 2020 г. в 3,66 раза, на электроэнергию — в 2,65 раза, на железнодорожные перевозки — в 2,25 раза при общем росте цен менее чем в 2 раза. При этом основной скачок тарифов на услуги естественных монополий приходится на первую половину прогнозного периода: к 2015 году цена на газ должна вырасти в 3,3 раза, на электроэнергию — в 2,18 раза, на железнодорожные перевозки — в 1,84 раза при общем росте цен в 1,63 раза.

Каким же образом согласуются возможности реализации таких стратегических целей и используемых инструментов, особенно с учетом общей мировой динамики и процессов, наблюдаемых в международных отношениях? Более того, какие инструменты годны для решения следующих острых проблем функционирования российской экономической системы?

1. Макроэкономические:

- исчерпание интенсивности развития в рамках сложившейся хозяйственной структуры и сформировавшегося «структурного перекаса»;

- относительно низкая норма накопления и диспропорции в реальном и финансовом секторах экономики;

- быстрый рост капиталоемкости добычи минерального сырья, снижение рентабельности и инвестиционной привлекательности проектов.

2. Технологические:

- отсутствие условий и обеспеченной потребности внедрения новых технологий;

- перенос (заимствование) «высоких технологий» — бывших в употреблении («второго эшелона»);

- «порочная» структура затрат, которая не позволяет внедрять новые технологии и обеспечивать использование интеллектуального капитала.

3. Социально-демографические:

- высокий уровень бедности, растущая дифференциация населения (коэффициент Джинни превысил значение 15);

- деградация человеческого потенциала — по уровню здоровья и квалификации;

- старение населения (в перспективе — быстрый рост пенсионной нагрузки).

Таким образом, экономический рост не сопровождался структурными улучшениями системы, повышением эффективности функционирования российской промышленности, технологического уровня производительных сил и конкурентоспособности экономики. В связи с этим, возникает вопрос, как правильно поставить задачу управления на макроэкономическом уровне системы, как выделить подзадачи, имеющие явно подчиненное значение, как согласовать продвижение в решение множества проблем. Задачи управления, на наш взгляд, должны быть подчинены преодолению системной дисфункции, снижению ее глубины и масштаба, а также дисфункциональности отдельных элементов. Но проблему можно осветить и шире — как экономическая теория связана с управлением и соответствующим ему решением подобных стоящих задач.

На проблему управления экономикой существуют две прямо противоположные точки зрения: нелиберальная (неоклассическая) и градуалистская или дирижистская (институциональная). Первый подход говорит о том, что в социуме имеется конструкция, которая распределяет ресурсы эффективно, обеспечивая развитие в нужном для агентов направлении, — это рынок. Второй подход говорит о том, что управление само по себе централизует любую подсистему (будь то фирма или экономика страны), является неотъем-

лемым элементом функционирования социальной системы. Противопоставление этих двух подходов на протяжении жизни экономической науки, на наш взгляд, имело контрпродуктивную основу, являлось отражением непонимания большинством теоретиков-экономистов задач и проблем, а часто и содержания самого управления, процессов организации хозяйства. Именно неучет фактора управления всегда являлся крупной методологической проблемой экономической науки. Определяющее значение фактору «управление» придавал А. Маршалл в «Принципах экономической науки».

В связи с наличием такой дихотомии, возникает и раздвоенность в экономической науке относительно значения государства, инструментов экономической политики и т. д. Либеральная часть экономистов в России, например, считает, годы реформ были относительно успешными, решившими основную задачу. Однако цифровой материал этого не подтверждает и приводит градуалистов к выводу о том, что либералы прикрывают ложью свои собственные действия, разрушив производственную систему страны, потеряв внутренний рынок, резко снизив управляемость экономикой.

Разрыв технологических цепочек в российской экономике и промышленности, ставший заметным фактором торможения в развитии экономики и чуть ли не главной причиной препятствия инновациям, явился, одновременно, одной из причин создания различных организационных структур, объединяющих предприятия одного сектора, — корпораций, холдингов, концернов и т. п. Однако при всей привлекательности и целесообразности создания комплексов предприятий, вертикально интегрированных структур, задача разрывов в технологической цепи технических систем не получит должного решения. Собирая ранее разрушенное приватизацией и другими государственными решениями хозяйство, не происходит возвращения холдингам прошлых условий регулирования их деятельности, а налицо — потеря номенклатуры выпуска, сужение границ функционирования по фондам, кадрам, техническим задачам, разработкам, следовательно, разрывы в дальнейшем — неизбежны. Поэтому эффективным выходом должно стать совершенствование финансовых механизмов, финансовой системы в целом, способной выполнить роль такого регулятора уже в современных хозяйственных условиях. Причем и для мировой экономической системы «приземление» финансовой системы, более тесное ее сращивание с реальным капиталом и секторами экономики, способно обеспечить ее большую стабильность и адекватность задачам развития, снижать потенциал и масштаб будущих кризисов.

Мировой финансово-экономический кризис 2008—2010 гг. ярко высветил пороки современного устройства мировой капиталистической экономической системы. Англосаксонская модель капитализма, в основе которой лежит либерально-рыночный подход, рыночное саморегулирование экономического развития, пока-

зала свою несостоятельность. Приведем некоторые данные, которые известны в научной литературе и на которые ссылается, в частности, П. Кругман.

- С 1979 г. по 2004 г. доходы самых бедных 20% населения США увеличились на 2,8%.
 - Общий долг всех агентов в 2007 г. составил 350% ВВП, что превышает долг 1929 г.
 - Долг на банковских картах составил 900 млрд долл.
 - Задолженность американских семей увеличилась с 46% ВВП в 1979 г. до 98% ВВП в 2007 г.
 - Повышение рентабельности капитала происходило за счет роста задолженности.
 - Потеря на деривативах компании «Bear Stearns» составляет порядка 13,4 трлн долл. на март 2008 г.
 - Бюджетный дефицит — 12% ВВП, доля прибыли в ВВП финансового сектора в 1960 г. 14%, в 2008 г. — 40%.
 - 5% населения США присваивает 38% дохода и 50% национального достояния за период 1990—2006 г.
- Важно отметить, стареющее население США и других развитых западных стран способствует сокращению совокупного спроса, увеличению пенсионной нагрузки и социальных расходов, задолженности посредством расширения ипотеки и потребительского кредита. Причем два последних фактора действуют в направлении возникновения финансовых пузырей по «схеме Понци».

До последнего времени ограничения государственного регулирования (управления) экономикой преодолевалось как через механизм мультипликации денег, который для валют, имеющих свободное хождение (доллар, евро), стал носить международный характер, так и через использование производных финансовых инструментов и новых финансово-кредитных институтов (в частности, ТНК и ТНБ) для диверсификации рисков. Однако, в конечном итоге, стихийно-фиктивный процесс движения стоимости общественного продукта в воспроизводственном процессе привел к отрыву финансовой системы от реального сектора³ и утрате управления экономикой. Похожие процессы отрыва финансового сектора от реального происходили и в развитых западных странах, обнажив неэффективность современных институтов регулирования и управления капитализмом. Обращающаяся стоимость на финансовых рынках во много раз (по экспертным оценкам в 12—15 раз) превышает создаваемую стоимость в реальном секторе экономики. В мире стоимость деривативов оценивается до 800 трлн долл., а мировой ВВП составляет примерно 60 трлн долл. По данным Базельского банка международных расчетов (BIS) на июнь 2008 г. объем глобального рынка производных финансовых инструментов составлял 766,5 трлн долл. [6] При этом почти 90% всего объема сделок приходится на внебиржевой рынок, который никем ныне не регулируется и организаторы торгов на этом рынке не несут никакой ответственности.

Международный валютный фонд (МВФ) — ранее апологет «вашингтонского консенсуса» — выступил с

³ О фундаментальных различиях в принципах эволюции финансового и реального секторов см. подробнее работу автора «Структурные проблемы экономики России: теоретическое обоснование и практические решения» [4].

заявлением о нежизнеспособности и даже опасности основных его принципов. Как известно, в основе «консенсуса» выступают: достижение низкого уровня бюджетного дефицита, снижение инфляции, свободный обменный курс валюты, свободный неконтролируемый финансовый рынок, свободное движение капитала и поощрение прямых иностранных инвестиций, дерегулирование экономики, снижение вмешательства государства в экономику. Реализация этих принципов хорошо согласуется с задачей фонда контроля экономической политики стран, нуждающихся в кредитах фонда, чтобы эти кредиты вернуть.

МВФ призывает создать новую глобальную экономику, в которой станет меньше рисков и неопределенности, финансовый сектор должен регулироваться государством, а доходы и блага будут распределяться по справедливости. Глобализация должна стать не капиталистической, а «справедливой и с человеческим лицом». «Блага от экономического роста должны широко распределяться, а не просто присваиваться горстке привилегированных людей». И далее: «миру нужны новые подходы к принципам экономической и социальной политики внутри каждой отдельно взятой страны и на международной арене в целом... Финансовый сектор нуждается в серьезном хирургическом вмешательстве с точки зрения регулирования» [2]. Но провозгласить наличие болезни — это не значит найти рецепт ее излечения и устранения. Более того, наличие болезни не означает указание правильных причин ее возникновения, а по сему и предполагаемое лечение может не дать ожидаемого результата.

Обобщая, заметим, что управление на уровне мировой экономики и макроэкономическое управление на уровне отдельных стран и регионов испытывает серьезный кризис, не дает обоснованных решений, способных выправить ситуацию. Более того, главное не ясно — способен ли капитализм и его базовые институты обеспечить предотвращение подобных кризисов в будущем. Если отойти от формулировки, касающейся частной собственности на средства производства, что и является атрибутом капитализма по его природе, сейчас нужно сказать и о том, что одного этого признака для объяснения кризисов недостаточно.

Проблема шире, капитализм возвышает институт владения, частной собственности, правила, отвечающие за капитал, его накопление, перемещение в мире, над институтами, отвечающими за труд, социальные функции, образование, здравоохранение, накопление и передачу знаний. Возникает институциональный

конфликт, не только связанный с противоречием между общественным характером труда и частнокапиталистической формой присвоения, который присутствует и никуда не исчезал, но и правилами, которые имеют иерархическое расположение. Именно такое подчиненное положение одних правил другим правилам и делает систему капитализма такой, какой мы ее наблюдаем. Изменение роли международных финансовых организаций решает задачу их выживания и коррекции базовых институтов капитализма, обеспечивающих жизнь финансовой системе. Но они не изменяют главных соотношений, не снимают институционального конфликта, который с каждым годом становится все более определяющим, а совместно с глобальным эксцессом⁴ увеличивает вероятность повторения мировых кризисов, изменяет и модифицирует факторную основу возникновения, порождения этих кризисов, что резко снижает наши возможности в их прогнозировании и предупреждении. Роль «антибиотиков» своеобразно играют изменяемые в ходе целенаправленных действий (управления) институты капитализма.

Экономическая наука, являясь элементом социальной системы, явно подстраивается под некоторые задачи управления, часто обслуживает эти институты, поскольку пытается найти улучшение этих институтов и повысить эффективность капитализма. Но, может быть, стоит задуматься вообще о перспективах такого улучшения и направить интеллектуальные усилия для поиска иных институтов и отказа от подобной сугубо капиталистической организации экономики? Желание сохранить *status quo* и финансирование этого желания заинтересованными сторонами создают ореол объективности достижений экономической науки, но никак не позволяют сказать, что одно общественное устройство лучше или хуже чем другое. Капитал разъединяет, поскольку он индивидуалистичен и имеет свойство концентрироваться и порождать процедуры эксплуатации и выстраивания институтов под себя. Он стимулирует видение, согласно которому управлять экономикой могут спонтанные рынки, следовательно, решения человека, его действия, становятся подчиненными некоей логике рынков. Труд и знание являются высшим достоянием человеческого общества. Именно эти два фактора обеспечивают развитие и решение научно-технических задач. Именно развивая эти два компонента, можно решать задачи выживания и безопасности, взять под контроль дисбалансы в области экологии и развития мира, прекратить войны на земле.

Олег СУХАРЕВ,

доктор экономических наук,
ведущий научный сотрудник ИЭ РАН

ЛИТЕРАТУРА

1. Без закрытых тем // Российская газета. 2011. 17 марта.
2. Глобализм с человеческим лицом. «Вашингтонский консенсус» не выдержал проверки экономическим кризисом // Независимая Газета. 2011. 6 апр.
3. Сухарев О. С. Институциональная теория и экономическая политика. — М.: Экономика, 2007.
4. Сухарев О. С. Структурные проблемы экономики России. — М.: Финансы и статистика, 2010.
5. Сухарев О. С. Теория экономической дисфункции. — М.: Машиностроение, 2001.
6. http://www.bis.org/publ/qtrpdf/r_qa0812.htm.

⁴ О глобальном эксцессе автором написано в работах 1999—2007 гг., например, см. «Институциональная теория и экономическая политика [3] или Теория экономической дисфункции [5].